

новыми открытиями источников (знаменитые, например, «рукописи Мертвого моря»), показывающими, сколь прав был Ф. Энгельс в своей характеристике идеологических условий возникновения христианства, рассматривая раннее христианство не как изолированный феномен, а как одну из возможных потенций развития, одну из форм, в которых отливается идеологический кризис на рубеже двух эпох, родственную ряду других равно порожденных той же социально-экономической и идеологической обстановкой.

FRIEDRICH ENGELS AND THE STUDY OF EARLY CHRISTIANITY

by G. A. Koshelenko

The author discusses the contribution made by Engels to the study of the origins and early history of Christianity. Engels laid the foundations for a genuinely scientific Marxist understanding of this complex ideological phenomenon, tracing its ultimate sources to the condition of social, economic and ideological crisis in which ancient society found itself at the moment of transition to the Imperial epoch. Engels laid his finger on the essential nature of this crisis and the ideological ferment it gave rise to among the oppressed and exploited in the Mediterranean lands. After Engels had elucidated the historical conditions in which Christianity arose and the historical laws which underlay its early evolution there was no longer any place for the empirical or speculative approach to these problems. It is no accident that modern scholars who reject the Marxist approach to the history of religion in general, and in particular to the history of Christianity, have been unable to produce a single new scientific theory about the origin of Christianity, in spite of the discovery of sources unknown to Engels.

The work done by Engels in this field will never lose its significance, since in his work the Marxist method was applied for the first time to the study of early Christianity. Certain points will be refined, certain facts and aspects of the problem will be reinterpreted as additional sources come to light and existing sources are subjected to closer study; but the fundamental principles embodied in his conclusions will stand firm, since the specific historical conditions which, as Engels showed, gave birth to Christianity, are indisputable.

И. М. Дьяконов

(К методике исследования исчезнувших языков)¹

[illegible]

Цифры взяты из выводов у К.; в предшествующих наиболее серьезных работах по этому вопросу (М. Майрхофера, см. особенно его итогово-библиографическое исследование — M. Ma y r h o f e r, Die Indo-Arier im alten Vorderasien, Wiesbaden, 1966) предполагается наличие 13 надежных и еще некоторого количества спорных индо-арийских нарицательных в древних переднеазиатских языках, 6 имен богов и до сотни ИС.

до-арийских нарицательных
ни ИС.

Одна из виднейших хеттологов, Аннелиз Камменхубер сочла долгом разобраться в основах столь живучего современного мифа о переднеазиатских арийцах, или ариях, отделить домыслы от действительных показаний источников и ошибочные методы исследования от обоснованных. Хурзод истории — заслуживали такого исследования, во-первых, потому что никакие частные исследования, как видим, не смогли до сих пор остановить потока псевдоисторических спекуляций на эту тему, а во-вторых, — потому, что на примере единичных арийских ИС, рассматриваемых на фоне достаточно хорошо исследованного лексического, ономастического и грамматического материала как древних индоиранских (арийских) языков, так и языков Передней Азии, можно показать, какие методы вообще допустимы и плодотворны при изучении лингвистических остатков исчезнувших языков (например, Малой Азии, Балканского полуострова, до-ахеменидского Ирана и многих других), а какие — недопустимы и приводят к выводам либо недоказуемым, либо ложным. Поэтому, несмотря на то, что книгу К. читать трудно, она должна стать настольной для каждого, кто занимается ономастикой и топонимикой.

В 1908 г. Г. Винклер нашел текст договора хеттского царя Сушилули-умаса I с митаннийским царем Куртиваззой (тогда читали «Маттивазза»), где упоминались четыре «арийских» божества⁶, а в 1919 г. П. Йензен — текст коневодческого руководства, известный под названием «текст Кик

3 О том, что в действительности известно относительно рыхлого союза городов-государств, возглавлявшегося митаннийской династией, см. И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 68 сл.; ср. также Н. В. Ян-кowskа, Communal Self-Government and the King of Arrapha, JESHO, XII, 2 (1969), стр. 223 сл.

5. Изложенная концепция еще сравнительно нова. См. например: И. М. Дяконов, «Ancient Mesopotamia. Socio-Economic History», ed. I. M. Diakonoff, Moscow, 1968.

«И. Ф. Вейднер, Восток, 8, стр. 2—57.

кули», хотя в действительности он составлен группой лиц⁷: все они были хурритами и хеттский язык, на котором писали, знали более или менее плохо. В этом тексте были обнаружены «арийские» глоссы. Сообразно идейному климату эпохи и среды, в которых были сделаны эти открытия, понятно, что в «скудно засвидетельствованных ариях предположили народ господ» и «приписали этим ариям введение коня и легкой боевой колесницы на Ближнем Востоке» (К., стр. 14). Особенно широкие и малообоснованные гипотезы строились под гипнозом «сирены созвучий», не подкрепленных историко-лингвистическим анализом сравниваемых слов. В течение 60 лет, протекших после Винклера, исследователи усердно подбирали индоиранские этимологии для разных переднеазиатских слов и ИС — преимущественно для имен митаннийских царей, но также и для других, бытовавших в хурритской или хуррито-семитской среде в Палестине, Сирии, Аррапхе и т. д. М. Майрхофер в своих недавних работах попытался отсеять вероятное от недостоверного, однако он учел не все специфические филологические трудности, связанные с передачей арийских глосс и ИС в весьма своеобразных переднеазиатских языках, записывавшихся сложными и орфографически крайне неоднородными системами клинописи; не поставил он в целом и вопроса о принципах методики исследования подобных остатков исчезнувших языков.

Подходя к переднеазиатской стороне проблемы, следует вначале, вслед за К., суммировать, что было выяснено (главным образом именно ее собственными трудами) к моменту выхода в свет ее книги «Hippologia Hethitica». К этому времени удалось доказать, что глоссы в «тексте Киккули» являются не свидетельствами живого индоиранского языка, но лишь окаменелостями, которые хурритоязычные писцы, этого языка уже не знавшие, передавали чисто механически; что имена индоиранских божеств в договоре с Куртиваззой тоже дошли в хурризованном облике, и что сам Куртивазза носил лишь тронное имя с предположительно индоиранской этимологией, а личное имя имел хурритское (установлено Х. Г. Гютербоком). Если прибавить к этому, что ни в более поздних, ни в более ранних источниках, — например, в письмах митаннийского царя Тушратты (аккадских и одном хурритском), — не встречается арийских имен богов (только хурритские или хурризованные аккадские) и нет и доказуемых арийских глосс, то станет вероятным, что живого арийского языка в Митанни к XV в. уже не было; если на земле Митанни в какой-то период и были арии, то во всяком случае они там и вымерли и в Индию попасть не могли.

Далее, из работ других исследователей и самой К. выяснилось, что лошадь была известна в Передней Азии не только в течение всего III тыс. до н. э., но даже и ранее (шумерская логограмма ANŠE.KUR.RA букв. «горный осел») ⁸; в XXI—XVIII вв. до н. э. уже известна легкая боевая колесница, в которую впрягались лошади, хотя она, например, в Мари считалась менее аристократичной упряжкой по сравнению с мулами ⁹. Можно добавить, что в степной полосе Восточной Европы, Средней Азии и Южной Сибири кости лошади встречаются на поселениях и в погребениях с $\pm$ 2000 г. до н. э. (афанасьевская культура; ср. также псалли [??], найденные Р. А. Мунчаевым среди памятников майкопской культуры Северного Кавказа, примерно того же времени). Вполне достоверные

⁷ A. K a m m e n h u b e r, Hippologia Hethitica, Wiesbaden, 1964; см. об авторстве стр. 42.

⁸ Или ANŠE_{si-si} (в обоих случаях чтение [*sisi]) — M. C i v i l, Notes on Sumerian Lexicography. I, JCS, XX, 314, стр. 121.

⁹ К., стр. 22 со ссылкой на текст ARMT, VI (1954), № 76, сткк. 19—25 и ср. стр. 8 и 122 сл.

данные о верховой лошади восходят, однако, лишь к XIII в. (алакульский этап андроновской культуры), что связано с переходом к полукочевому хозяйству; конное же войско возникает лишь при переходе к чистому кочевничеству в IX в. до н. э., вслед за чем последовали набеги киммерийцев, скифов и саков. Ни тогда, ни раньше степняки, по-видимому, не знали легкой боевой колесницы. В ямной и предкавказской культурах встречаются тяжелые четырехколесные и реже двухколесные повозки на сплошных колесах, вероятно запрягавшиеся главным образом волами¹⁰; в андроновской (предсакской) культуре нет и таких. Поэтому народам древней Передней Азии не приходилось ждать ариев, чтобы создать конно-колесничное войско¹¹: из Европы и Средней Азии арии приходили в своей массе пешком. В Малой Азии у хеттов колесничные отряды засвидетельствованы с XVIII—XVII вв.; они имелись и в составе армии Суппилиумаса I, разгромившей Митанни не позже 1350 г. до н. э., между тем как хурриты леснице на хеттском языке (судя по языковым, а также палеографическим данным¹²) не ранее правления Мурсилы II (с 1345 г. до н. э.). Правда, в Иране рано стали придавать лошади и колеснице большое значение и достигли особенно значительных успехов в тренировке колесничных коней¹³. К. задается вопросом, где арии познакомились с легкой колесницей и где с ариями познакомились митаннийцы. Ниже мы попытаемся предложить ответ, пока же заметим, что, — как справедливо пишет К., — «этот круг проблем, к сожалению, вплоть до настоящего времени находится под игом некоего табу неприкосновенности представления о воображаемом „высоком культурном уровне“ индоевропейцев и арийцев, хотя действительный язык» (стр. 20). Столь же верно замечание К. (стр. 22), что миграции древних народов могут быть, как правило, установлены археологически-предоставших все огню и мечу, т. е. в условиях, когда о «культуртрегерстве» не может быть речи. В любом случае поиски миграций — это поиски не главного в историческом процессе.

Стремясь установить действительную продолжительность гегемонии митаннийских хурритов в Северной Месопотамии и Северной Сирии (о Малой Азии и Хеттском царстве, конечно, речи нет), К. дает попутно подробные хронологические данные.

¹⁰ К. (стр. 22), пожалуй, ошибается, говоря, что Месопотамия и Малая Азия в археологическом отношении «сейчас на 90% исследованы лучше, чем все области, которые могут рассматриваться как индоевропейская прародина». Ряд районов СССР археологически обследован лучше и в качественном и в количественном отношении. О проблеме лошади в степной полосе II тыс. до н. э. см. после сводки Ф. Напсаг, Das Pferd in prähistorischer und frühhistorischer Zeit, Wien — München, 1955, стр. 88—398, еще, например, К. Ф. Смирнов, Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей, СА, 1961, № 1, стр. 46—72; Е. И. Крупинов, Новое в изучении древней истории Северного Кавказа, в кн. «Археологические открытия 1965 года», М., 1966, стр. 33 сл.

¹¹ Причина возникновения в Передней Азии сначала конно-колесничного войска, менее эффективного, чем кавалерийское, лежит в наличии здесь давней традиции применения колесниц, запрягавшихся еще ослами. Но таких традиций, видимо, не было у восточноевропейских степняков.

¹² В них употребляется «гlossовый клин», по-видимому, впервые введенный при Мурсиле II.

¹³ К., стр. 239 и прим. 698; собственно хеттские руководства по тренировке колесничных лошадей исходят из более скромных требований к расстояниям пробегов и скачек, чем «текст Киккули».

и. м. дяконов К. Ф.

Основной территорией первоначальной концентрации хурритов следует, по Э. А. Спайзеру, считать Армянское нагорье¹⁴; во второй половине III тыс. до н. э. они уже засвидетельствованы — в том числе и одной надписью на хурритском языке¹⁵, — по обе стороны Верхнего и Среднего Тигра¹⁶. Еще при III династии Ура хурриты (помимо, вероятно, Армянского нагорья) сидели вблизи р. Тигра¹⁷ (хурр. *Aranzah*)¹⁸, но к началу II тыс. до н. э. проникли глубже в Северную Месопотамию и Сирию, где в Шагер-Базаре и в слое VII Алалаха (XIX и XVIII вв. до н. э.) засвидетельствован уже значительный процент хурритских имен. Вскоре в Сирии на месте бывших семитских Хашшума и Уршу¹⁹ появляются хурритские государства. К тому же времени относятся хурритские религиозные тексты из Мари²⁰; имена хурритов — чужестранцев встречаются в Вавилонии и Эламе²¹. Однако никаких следов ариев и их языка пока нет. В Малой Азии хурритские ИС встречаются среди иноземных купцов Каниша слоя II²² (этот слой занимает около 80 лет, конец периода примерно синхронен ассирийскому правителю Пузур-Ашшур II, с. Шаррумкина I, ~1840 г.); после перерыва (Каниш Ia)²³ при возобновлении торговой фактории в период Каниш Ib (время ШамшиАдада I и, может быть, ИшмеДагана I, ± 1800 г. до н. э. по средней хронологии) появляются следы индоевропейских хеттов (но не ариев) в Малой Азии²⁴; вполне надежных данных о продвижении хурритов вглубь

¹⁴ Ср. Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 13—23, где эта территория отождествляется — конечно, в той мере, в какой археологическую культуру вообще можно отождествлять с этносом — с ареатом куро-араксской культуры III тыс. (она же хирбет-керакская на территории Сирии — Палестины). На севере эта культура охватывала также территорию во всяком случае еще и восточнокавказских (нахско-дагестанских) народов, языковое родство которых с хурритским все более представляется мне в настоящее время доказуемым, хотя и не близким.

¹⁵ Литературу к этой надписи и к локализации см. К., стр. 26, прим. 49; последняя обработка текста: И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 443 сл.

¹⁶ Ср. аккадоязычные тексты, изданные Ф. Тюрпо-Даниэном (RAss, IX (1912), стр. 1 слл.) и И. Е. Гельбом («Festschrift J. Friedrich zum 65. Geburtstag gewidmet», Heidelberg, 1959, стр. 183 слл.).

¹⁷ Древнейшие хурритские мифы именно здесь помещают первоначальные центры культа хурритских божеств — Кумарве (Уркиш около Мардина), Шаушки (Ниневия), Тейшоба (Кумме в долине Верхнего Заба; здесь же — урарт. *Qumenu* — был впоследствии центр культа урартского Тейшебы, см. Г. А. Мелникшивили, Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наир — Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 166 слл.). См. К., стр. 97, прим. 294; стр. 123 и прим. 385.

¹⁸ Но название Евфрата, хурр. *Puranti* (несмотря на некоторые сомнения К.), бесспорно заимствовано хурритами из староаккад. **Purantum* (род. п. **Purantim*), позже *Purattu/i*, шум. *Buranun*; сохранение *-nt-* в староаккадском еще обычно.

¹⁹ C. J. Gadd, Tablets from Chagar Bazar and Tall Brak, «Iraq», 7, 1940, стр. 35 слл.; Н. Klenge, Geschichte Syriens im 2. Jahrht. v. u. Z., I, B., 1965, стр. 258 слл.

²⁰ Изд.: F. Thureau-Dangin, RAss, 36, 1939, стр. 1 слл.; E. Lagache, RAss, 51, 1957, стр. 104 слл.

²¹ A. Ungnad, Subartu, Beiträge zur Kulturgeschichte und Völkerkunde Vorderasiens, B., 1936, стр. 139 слл.

²² На значительность перерыва — против П. Гарелли — настаивает раскапывавшая Каниш Н. Эзюч (см. К., стр. 27—28 и прим.). Ср. Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюльтепе в собраниях СССР, М., 1968, стр. 22—23. Следует заметить, что в Канише Ib и в синхронных канцеляриях местных малоазийских правителей все еще пользуются ассирийской системой клинописи, отмененной в самой Ассирии в пользу сиро-аккадской при ШамшиАдаде I.

²³ P. Garelli, Les assyriens en Cappadoce, P., 1963, стр. 155 слл.; Янковская, ук. соч., стр. 15—17.

²⁴ В противоположность мнению ряда других ученых К. настаивает на прибытии хеттов в Малую Азию после 2000 г. до н. э., так как они отделились от племен общиндоевропейского языка позже середины III тыс. и, в частности, позже греков и протоармян. Хеттские заимствования в аккадский язык времени Каниша II она считает недостоверными. Вопрос этот во многом не ясен.

Малой Азии, по К., для этого времени нет²⁵. Далее К. реконструирует хеттскую хронологию²⁶ (Древнехеттское царство ~ 1650 : 1590 — после 1500; Среднехеттского царства не было; Новохеттское царство ~ после 1450 — 1200; но, может быть, точнее было бы «1450 — не ранее $\pm$ 1200 и во всяком случае раньше 1175 г.»). Аргументация К., насколько может судить не-хеттолог, чрезвычайно подробна и обстоятельна; особое внимание уделяется языковым критериям датировки текстов²⁷.

Результаты К. следует пока считать предварительными²⁸, но уже ясно, что Митанни не покоряло Хеттского царства. Хурритское влияние начинается сказываться с XV в., но идет не через Митанни; оно особенно усиливается в верхушке хеттского общества благодаря грамотным хурритолувийским жрецам и жрицам из окружения влиятельной *tawanannas*

²⁵ По Балкану, хурритским считается имя *Anum-Hirbi* (в позднейшей традиции *Anum-Herwa*), царя Ма'мы в юго-восточной Малой Азии времени Канни Ib, по Э. Ларош в этом сомневается (К., стр. 28 и прим. 63а).

²⁶ К. дает в своей книге также отдельный пространственный экскурс по истории изучения хеттской хронологии, представляющий большой интерес для хеттологов (стр. 34 сл.). Сама хронология реконструируется так (римская цифра означает номер поколения от основателя династии; в датировках двоеточие отделяет дату по средней хронологии С. Смита — М. Сидерского — В. В. Струве от даты по краткой хронологии У. Ф. Олбрайта. Здесь и ниже я придерживаюсь иной нормализации хеттских и хурритских написаний, чем в книге К., ср. ниже прим. 77): (A) I Хеттская династия (Древнее царство): (I) 1. *L/Taparnas* с женой *Tawanannas* (1650: 1590?); имена протохеттские, прототипы титулов общехеттского царя — *taparnas* и пожизненной верховной жрицы-царицы — *tawanannas*; (II) 2. *Laparnas II Hattusilis* (т. е. Лапарнас Хаттусасский, названный так в связи с перенесением столицы в Хаттусас-Богазкёй), с. брата *Tawanannas* (1650—1620 : 1590—1560). Переход хеттов с ассирийской на сиро-аккадскую систему клинописи; набег воинов из Ханигальбата на Хаттусас и ответный набег хеттов на Алалах; (III) 3. *Mursilis I*, внук (~ 1620—1590: 1560/55—1530/25). Разгром Халеба и Вавилона: митаннийское государство не упоминается; (IV—VI или VII) 4. *Hantilis*, 5. *Zitandas*, 6. *Ammunas*, 7. *Huzziyas*, 8. *Telepinus* (последний — между 1500 и 1450). Появление царских печатей с «символическими» иероглифами, возможно, еще до Телепинуса. Между Телепинусом и началом II Хеттской династии известен еще один царь, 9 (?). *Alluwamnas*; хронологическое его положение не вполне ясно. (B) II Хеттская династия (Новое царство): (I) 1. *Tuthaliyas I* (не хаттские (протохеттские), «неиндоевропейские юго-восточноанатолийские» и хеттолувийские имена; вероятно происходили из Киццуватны (см. ниже). При Тут-н. э.); (II) 2. *Hattusilis II*, с.: (III) 3. *Tuthaliyas II* (не III!), с.; (IV); 4. *Arnuwandas I*, с., женат на своей сестре *AsmuNikal*; 5. *Suppiluliumas I*, брат (1380—1346), основатель великой Хеттской державы, победитель Митанни; (V) 6. *Arnuwandas II*, с. («символические») знаки на царских печатях, «гlossовый клин» в клинописи; (VI) 8. *Muwatallis*, с.; хурритское личное имя, согласно иероглифической надписи на его печати, — *Y-Tesub*^{ba} (~ 1300); (VII) 9. *Mursilis III*, хурритское имя *UrhiTessob*, правивший 7 лет; (VI) 10. *Hattusilis III*, брат Муваталлиса (вторая четверть XIII в.); договор с Египтом; (VII) 11. *Tuthaliyas III* (не IV!), хурритское имя *X-Sarruma*, строитель скального святилища Язылы-кай (бог *S/Sarrumas*, позже *Sarma* — лувийский, но *Arnuwandas III*, с. (~ 1220); 13. *Suppiluliumas II*, брат (до ~ 1200 г. до н. э.), последний царь Хеттской державы, составитель надписи в Нишан-таше.

²⁷ Язык Новохеттского царства делится на «архаический новохеттский» (до 1350), «младохеттский» (до 1250) и «позднихеттский». В частности, по мнению К., по языковому маса II (ссылка на ее работу в ZAss NF, 22, 1964, стр. 150—212; 23, 1965, стр. 177—222). Совпадение имен (B) (1), 3, 4 и 5 и (B) 11, 12 и 13 (см. выше прим. 26) привело к предположению о синхронизации событий хеттской истории; сейчас все памятники должны передатироваться с учетом языковых критериев, последовательности царей — *tawanannas* и типологического развития царских иероглифических и двуязычных печатей.

²⁸ Ср. O. S a g g u b a, Die Chronologie der hethitischen Texte, ZDMG, Supplementorientalische Chronologie («Abh. der Akad. d. Wiss. Mainz, Lit. Kl., 1968», Bd. 3), 1969, стр. 226 сл.; H. O t t e n, Die hethitischen historischen Quellen und die Mainz, 1968.

ПудоХебы, жены Хаттусилиса III (XIII в.), бывшей родом из Киццуваты. Следов арийского влияния на хеттов нет (см. об этом ниже).

Арийское влияние предполагалось не только для хурритов и хеттов, но и для касситов, вторгшихся в Вавилонию в 1740 : 1676 г. и завоевавших ее в XVI в. до н. э. Касситский язык известен лишь из касситско-аккадского глоссария в 50 слов, нескольких глосс в списках лошадей и некоторого числа ИС. В том числе считались индоевропейскими имена бога солнца *Šuriaš* (якобы из инд. *Sūryaś* < **Sūryas* «бог Солнца»), бога войны (?) *Marattaš*²⁹ (вар. *Murutaš*, *Maruttaš*, сопоставлялся с индийскими *марутами*, богами ветра, подчиненными Индре), бога-громовника *Buriaš* (вар. *Ubriaš*, *Burariaš*), а также слово *bugaš*, которое сопоставлялось с предполагаемым индоиран. **bhaga-* «бог» (ср. слав. *богъ*). Для *Buriaš* || *Ubriaš* || *Burariaš* индоиранских соответствий не имелось, и это имя сопоставлялось с греч. Βορέας «северный ветер» и с русск. *буря* (последнее, впрочем, не имеет никакого отношения к Борею). Кроме того касс. ИС *Abirattaš* объяснялось из сочиненного ad hoc словосложения инд. **abhi-ratha-*, якобы «надколесничный» — в смысле стоящий на колеснице или попирающий колесницы³⁰. Однако К. Балкан в своей большой работе о касситах³¹ показал, что *šuri-yaš(u/i)*, *b(u)ri-yaš(u)* и *marattaš* являются не ИС, а лишь прозвищами касситских богов — Солнца *Saḥ*, громовника *Huṭṭa* и войны (?) *Gidar*; что ветер — касс. *turuḥna*; что касситский язык не имел склонения, и -š входит поэтому в основу соответствующих слов³², и что *yaš(u/i)* и в словосложениях означает «земля»; так, *b(u)ri-yaš* — это «владыка земли» = аккад. *bēl mātāti*; *šuri-yaš*, вероятно, значит что-нибудь вроде «озаряющий (?) землю»³³. А что касается слова *bugaš*, то оно не только не имеет ничего общего со словом *богъ* — ни, тем более, с русск. *быкъ* и нем. *Bock* «козел», с которыми его тоже сопоставляли³⁴, — оно, вероятно, озна-

²⁹ Отождествляется с шумеро-аккадским Нинуртой.

³⁰ К. указывает, что это имя имеет аналогию в Сирии, далеко за пределами влияния касситов; элемент *-ratta* нет нужды возводить к др. инд. *ratha-* «колесница», так как аналогичные фонетические последовательности есть и в других языках (однако, хурр. *o-rate*, с нашей точки зрения, не существует).

³¹ К. Balkan, *Kassitenstudien. I. Die Sprache der Kassiten* (AOS, 37), New Haven, 1954.

³² Ср. еще *dakaš* «звезда», *simmaš* «отпрыск». Однако, в противоположность мнению К., этот факт не обесценивает сам по себе предложенную Майрхофером этимологию касс. *timiraš* (?) < санскр. *timira-* «темный», так как язык, имеющий нулевой именительный падеж, может заимствовать слова из других языков в свойственном тому именительном падеже — ср. латинизмы в немецком; другое дело, что семантика и чтение слова *timiraš* (?) ненадежны, и требуется доказать, что *timira-* не является поздним заимствованием в санскрите.

³³ Независимо от Балкана данные о касситском языке разбирал и я (И. М. Дьяков, *История Мидии*, М. — Л., 1956, стр. 121 сл.), причем результаты в обоих исследованиях оказались очень близкими. Слово *iaš(u/i)* «земля» входит в состав и других касситских словосложений, ср. имя бога *dDun-iaš*, а также *miri-iaš* «земля» (наряду с просто *iaš*; ср. имя богини [земли?] *dMiri-zir*). Однако я еще допускал отдаленное родство касситского с эламским: ср. элам. *muri* «земля» и глагольные окончания -š и -tan, которые мне казалось возможным сопоставить с именами-предложениями типа касс. *Kara-indaš*, *Kadašman-Harbe*, где можно предположить наличие глагольных форм.

³⁴ К. справедливо замечает (стр. 53, прим. 153): «Как часто бывает в таких исследованиях», чем дальше отрываешься от контекста, тем «убедительнее» становятся подобные сопоставления». Действительно, сопоставление *bugaš* ~ **bhaga-* нескладно фонетически, а ~ *бык* и т. п. — и по смыслу. Но в отношении истории слова «бог» К. не права. Верно, что индоиран. **bhaga-* «бог» не существовало, и слово с этим значением появляется лишь в иранском. Однако К. ошибочно связывает это с реформой Заратустры: для зороастризма характерен другой термин для божества, *uazata-*, оттеснивший слово *bagā-* — по крайней мере в Западном Иране — главным образом в культ Митры и позже в титулатуру царей; между тем ИС *Bagdattu* < иран. **Baga-dāta-* встречается в Мидии уже в VIII в. до н. э.; слово *bagā-* встречается и в

чает титул вождя (?) ³⁵. К сожалению, позитивные предложения Балкана и особенно К. Яритца ³⁶ по поводу возможных генетических связей касситских слов крайне неубедительны.

Очень наглядны наблюдения К. о многократно упоминаемом в амарнской переписке имени сирийского царька *Su-wa-ar-da-ta*. Оно, казалось бы, безукоризненно этимологизируется как индоиран. **svar-dāta* — «данный Солнцем», где **svar-*//*sūr-*, авест. *hvar-* — единственная общеиндоиранская форма для слова «солнце» (*sūr-yañ* — только инд.). Но дело в том, что *Su-wa-ar-da-ta* поддается столь же непротиворечивой хурритской этимологии, которая тоже вполне укладывается в нормы амарнской орфографии, где *-ta-* = *-dā-*: хурр. **šu(w)-ar-tad-a*! ³⁷. Это, конечно, доказывает не то, что это ИС — хурритское, а лишь ненадежность подобного рода этимологий вообще.

Центральное место в книге уделено культурно-историческому значению хурритов (стр. 61—141). Хурриты наряду с шумерами, аккадцами и эламитами были четвертым великим культурным народом древней Передней Азии: они уже обладали письменностью около 2200 г. до н.э., т. е. задолго до появления индоевропейцев, как хеттов, так и ариев, и продолжали играть важную роль также после падения Хеттской державы, когда лишь в Северной Сирии сохранялись мелкие, так называемые «позднехеттские» государства, пользовавшиеся «иероглифическим лувийским языком» ³⁸; К. указывает также на большое историческое значение урартов, близкородственных хурритам по языку ³⁹. Здесь следует указать на допущенные К. неточности ⁴⁰ и пожалеть об употреблении ею, параллельно с термином «урарты», также и термина «халды», ошибочность которого давно доказана ⁴¹.

скифских ИС, правда, в не вполне ясном значении (В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М. — Л., 1949, стр. 159), а скифы — единственная иранская этническая группа, никак не затронутая зороастрийским влиянием; да и славяне, для которых термин *богъ* является ранним, так как разделяет общеславянский переход *ǵ > o*, не имели в древности никакого контакта с зороастризмом. Подобно другим немногочисленным славяно-иранским изоглоссам, и эта, вероятно, происходит из района древнейшего соприкосновения славян и иранцев в восточноевропейской лесостепи.

³⁵ Ср. аккад. *bukāšum*, титул в Хане на Евфрате после вторжения туда касситов (К., стр. 47 и 54). В том же роде и сопоставление богини касс. *Simalta* с инд. *Himālaya*!

³⁶ К. Jaritz, Die Kassitischen Sprachreste, «Anthropos», 52, 1957, стр. 850—898. Для отдельных касситских слов Яритц находит корни одновременно из хурритского, эламского, протохеттского, протолувийского и (для *šurīaš*) арийского (стр. 896)!

³⁷ К. осторожно не дает перевода этой реконструированной форме, но структура ее ясна, и вопрос только в выборе возможного корня из ряда омонимичных (хурр.-урарт. *šu(w)-* «весь, целый», *š(u)-* «новый» и т. д.); *-ar-* — фактивизм; *(-i)* императива в старохурритском и, как черта архаизма, в ИС опускается; *tad-* «любить» (очень распространено в хурритской ономастике); *-a* — причастие состояния: таким образом, **šu(w)-ar-tad-a* — «возбновни (исцели) любимого» — входит в довольно обычный переднеазиатский тип имен-предложений: ср. аккад. *Tūrī-ummi* «Верни мою мать», *Tūr-aḫi* «Верни моего брата» и хурр. *Suwar-Ḫeba* (в Нузе), — может быть, «исцели, о Хеба».

³⁸ Этот термин, получивший уже право гражданства, кажется мне тем не менее неудачным: хотя этот язык и относится к лувийской подгруппе, но нет никаких данных, чтобы носители его назывались лувийцами, зато есть много данных, что и они сами себя, и их соседи называли их *хеттами* — на что они имели не меньше права, чем «клинописные» хетты-неситы.

³⁹ Эта близость — гораздо большая, чем предполагалось: несмотря на полное несходство содержания урартских и хурритских текстов, нами установлено совпадение урартской лексики с уже отождествленной хурритской в 30% случаев (из 200 урартских слов, значение которых известно) и с хурритскими грамматическими морфемами — в 80% случаев или более (из 65 форм). Поэтому мы ниже позволяем себе приводить и урартские факты в разъяснение хурритских слов и форм.

⁴⁰ Падение Урарту относится не к 585, а к 590 г., а фактическая утеря независимости — к 608 г.; последним царем Урарту, вероятно, был не Руса III, а Сардури IV — см. И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М. — Л., 1963 (далее — УПД), стр. 28—29, 62 и 66 и др.

⁴¹ Греч. *Χαλδαίαι*, когда не означает вавилонских халдеев, означает грузинское племя, чанов или лавов, живущих и поныне в Понте, — см. J. Friedrich, Chaldeer

Арийские ИС и глоссы, идущие из Митанни XV—XIV вв. до н. э., указывают на наличие именно в этом (далеко не первом) хурритском государстве некоего индоиранского этнического компонента, однако он был тогда уже, видимо, мертв; наряду с индоиранскими тронными именами цари Митанни (как и другие члены их династии) носили хурритские или неясные личные имена; после гибели Митанни — если не считать нескольких глосс «текста Киккули» — соседним народам передается хурритское, а не арийское культурное и языковое наследие, в том числе и заимствованное, — но не у ариев, а у шумеров и аккадцев. Действительно, по отношению к ним хурриты были учениками, так же как по отношению к хеттам — учителями. Характерен круг словарных заимствований в хурритский (К., стр. 125—132): 1) южные культурные растения: *ziluṁpa* «финик» (шум. или дошум.), *zirde* «маслина» (сем.), *nurandi* «гранат» (аккад.), *šumīšumi* «кункут» (сем. ?) ⁴²; 2) металлы, технические материалы и изделия: *urud-ḥu/i* «медь» (шум. или дошум.), *šinnibero-ḥi/i* «(из) слоновой кости» (аккад.), *išpanti* «колчан» (аккад.) ⁴³, *nat-ḥi* «ложе» (шум.) ⁴⁴; 3) письмо: *tupre* «клинописная табличка» (шум. через аккад.), *tupšarri* «писец» (то же); 4) торговля: *tamgari* «торговый агент», *tamga/er(a)šši* «должность т.», *maḡiri* «торговля», «цена»; *puḡ-ug-ar-i* (и др.) «мена» (все — аккад.); 5) органы власти и названия профессий: *žarra/i* «царь» (применительно главным образом к богам), *nagiri* «глашатай», *ḫalz-uḡlu/i* «начальник округа», *tan-zad-uḡlu/i* «служащий», *mažar-uḡlu/i* «стражник», *mašk-uḡ(u)li* «кожевник» ⁴⁵ (все — аккад.); 6) религиозные и интеллектуальные понятия: *zalam-ši* «изображение», *ḫazzizzi* «память, мудрость», *arni* «вина» ⁴⁶ (все — аккад.); жреческие титулы: *enda* ⁴⁷, **šangu* ⁴⁸ (оба — шум. через аккад.); имена богов: *Anum* (шум. через аккад.), *Nikkal* (то же) ⁴⁹, *Eia*, *Eiažarri* (аккад.) и др. Арийские же термины в «тексте Киккули» — не заимствования, а глоссы (в других текстах предполагаемые заимствования из арийского в хурритский, по К., недостоверны, см. ниже). Не менее показательно наследие хурритов у хеттов: в культурной сфере — многочисленные религиозно-мифологические, литературные и государственно-правовые заимствования; аналогичны и заимствования языковые: *endassis*, *sarrassis*, *allassis* «культовые должности жрицы-enda, царя и царицы», *sankunnis* жреческий титул, *iwaru* «васледственный имущественный фонд» (заимствование еще старохеттского периода; эта этимология не принята К. из хро-

oder Urartäer, ZDMG, 90, 1936, стр. 63—82 и более подробно Б. Б. Петров-ский, Ванское царство, М., 1959, стр. 118—120.

⁴² Скорее общего происхождения с аккад. (нар. этим.) *šamaššammu* из субстрата; аккад. *kirkirianni* «шишка пинии» и *līnu* (< **baḡn*-) «тамариск» скорее из хурр. *kir(i)-kiri-anne*, *paini*, чем наоборот.

⁴³ Неясно происхождение -n-; аккад. (общесем.?) *išpātum*.

⁴⁴ Однако упоминаемая К. (стр. 129) этимология хурр. *k/ḫeshi* «стул» < аккад. *kussū* < шум. *gu-za*, вероятно, ошибочна; также хурр. *ḫiari* «золото», *ḫiari-ḫi* «золотой» (ср. субар. — по глоссе в аккадеском словаре — *aiarāḫi*) не из сем. **ḫurās*-. О предполагаемом кавказском происхождении хурр. *uḫu* «серебро» см. Г. А. Мелник-Швиц и др. О некоторых наименованиях металлов, ВДИ, 1968, № 4, стр. 126.

⁴⁵ Но хурр. и урарт. *ḫuradi* «войн», вероятно, не заимствовано; предложенная аккадская этимология не кажется удовлетворительной.

⁴⁶ PRU, III, 319. Однако урарт. *arna* значит, напротив, «благо». Но хурр. *šeyala*, с артиклем *šeyelle* (< **šeyala-ne*) «(ритуально) чистый», вопреки Ларошу, не из шум. *sikil*: в урартском сохранился корень *šeh*- без суффикса -al-: УЖН, 281, 21 и 25.

⁴⁷ Аккад. *entu(m)* «верховная жрица»; но в надписи из Уркиша хурр. *enda*, вероятно, «жрец», результат отсутствия родов в хурритском, ср. хурр. *allae* «госпожа», урарт. *alae* «хозяин», *al-usa* «правитель(ский)».

⁴⁸ Засвидетельствовано через хеттское заимствование *sankunnis* с сохранением хурритского артикла -ne.

⁴⁹ «NIN.GAL должно было и по-аккадски читаться [nikkal], поэтому нет нужды предполагать заимствование из старохеттского *Ninkal.

К. подробно разбирает скудные свидетельства об именах царей Митанни и Хурри и их последовательности, а также предложенные этимологии (стр. 62—71, 78—87 и др.). Имена эти следующие.

2. *Su-ut-ta-ar-na*, с., LUGAL *Ma-i-ta-ni* «Шуттарна, с. Кирты, царь Маитани» (конец XVI в.). Этим.: инд. **su-taraṇi*-, **su-taraṇa*- «хорошо помогающий», но подлинный индийский материал дает только «легко проходимый (о водном пути)»; или инд. **su-dharaṇa*- «хорошо поддерживающий» — придумано ad hoc, таких ИС нет; к тому же хурр. *-tt-* всегда глухое.

4. *BAR-sa-ta-tar*, отец № 5, царь ли — неясно; первый знак может читаться также *PĀR*, *MAS*, *MAS*; этимологии нет. *4. Dieb. Ugar. Neg. p. 12*

5. *Sq-US-sq-ta(-at)-tar* LUGAL (так в документе AT 12, 11)

5. *Sa-US-sa-ta(-at)-tar* LUGAL (так в документе АТ, 13, 14 из Алалаха) или *Sa-US-ta-at-tar*, с. № 4, LUGAL *Ma-i-ta-ni* «Сауссадаттар, с. Пар/Мас-садаттара, царь Маитани» (на печати этого царя в Нузе — НСС, IX, 1); он же *Sa-uš-ša-tar*, упомянутый (очевидно, без понимания этимологии имени?) в документе последнего митаннийского царя Куртиваззы, вероятно жил после Параттарны. Этим.: *sau-kšatra-, ИС типа vrd̥dhi, «Сын некоего *Sukšatra-, „Добровластного“, по К., неприемлема, так как отец его известен: это был Пар(?)садаттар⁵³.

6. *Ar-ta-ta-a-ma* (хурр. чтение [**ardadama*]. — *И. Д.*) — вероятно с. № 5; дед № 8, современник и тесть фараона Тутмеса IV (конец XV в.). Этим.; индоир. **ṛta-dhāmā* «Обитающий в Правде». Такое имя засвидетельствовано в Индии в послеведическое время как прозвище богов и изредка

7. *Šut-t[ar-na]*, *Šu-ut-tar-na(-a)-*, егип. *Sx-ta-r-na*⁵⁴, «Шуттарна II», отец № 8, тесть Аменхетеп III; ср. № 2.

№ 7, убит после краткого правления, упомянут в связи (?) со страной Ханигалбат ЕА, 17, 19; 18, 8 сл. Этим.: индоир. **ṛta-smara-* «Помнящий Правду»; данное словосочетание в индоиранском не засвидетельствовано, но, по К., представляется возможным.

⁵⁰ Ср. J a n k o w s k a, JESHO, XII, 3, 1969, стр. 256—259 (новое чтение JEN, 333, 73—76).

⁵¹ Отметим лишь, по К., аккад. *ḫabalkinnu* «железо» < хурр. **ḫabalgi-(n)ne* (с артиклем или прилагательное) < хетт. *ḫapalkis* < протохетт. *ḫapalki*.

чтение $\bar{U}S$, нет оснований предполагать странную последовательность 0ss ; интерво-

⁵³ Однако данное *vṛddhi* могло бы означать и «Принадлежащий „добровластному“, что могло бы быть эпитетом божества; другое дело, что *sau-kṣātra-* вообще мало похоже на *Saussadattar*.

⁵⁴ Написано специфическим египетским слоговым письмом, применявшимся для иноязычных ИС.

Yalmanlı Hacı Mehmet
Cıfıfı = Cıfıfı Sıfıfı

9. *Tu-iš-e-rat-ta*, LUGAL KUR *Mi-it-ta-a[n-ni]*⁵⁵ «Туйшератта, царь страны Митанни» — так в самом раннем его письме ЕА, 17, 3, брат № 8; другие написания в его собственных письмах: *Tu-uš-rat-ta* LUGAL GAL (= великий царь) LUGAL KUR *Mi-i-it-ta-an-ni* — ЕА, 19, 3 сл.; *Du-uš-rat-ta* с тем же титулом — ЕА, 21, 5 сл.; аналогично ЕА, 27, 2; 28, 4; 29, 2; только «царь Митанни» — ЕА, 20, 3; 22, IV, 44; 23, 4; 25, IV, 66; 26, 2; так же в богазкейском архиве, но один раз *Tu-uš-e-rat-ta*. Наиболее распространенная этимология, принятая, в частности, после тщательного отсева, Майрхофером — индоир. **tvesá-ratha-* «Буйноколесничный» (dessen Streitwagen ungestüm vordringt). К. справедливо указывает, что для XIV в. до н. э. ожидалась бы, во всяком случае, форма **tvaisá-ratha-*; можно добавить, что ударный [á] — наименее вероятный объект для перехода в *e* и нуль. Обсуждая это ИС, К., как нам кажется, придает слишком большое значение случайному написанию *Tu-iš-* в ЕА, 17 (поскольку в с е письма продиктованы самим «Туйшаттой», постольку тот факт, что данное письмо — первое по порядку, не делает его более достоверным)⁵⁶. Что касается до вставного *-e-* (или *-a-*), то оно встречается нередко в хурритоурартском перед и после *-r-*⁵⁷; это объясняется, конечно, тем, что писцы слышали митаннийские ИС не из уст ариев, а как и полагает К., только из уст хурритов, произносивших их в соответствии со своей фонетикой. Так как, к тому же, письма представляют собой оригиналы, а не результат работы переписчиков, то при толковании этого имени нет нужды придерживаться *lectio difficilior* и можно исходить из более частого написания *T/Du-uš-rat-ta* (вероятное хурритское чтение [**tuš^hrattal*]). Имя это — если только не вернуться к некоторым старым этимологиям — надо признать неразъясненным.

10. *Ar-ta-ta-ma* (II), царь Хурри, соперник № 9; см. № 6.

11. *Su-ut-tar-na* (II, один раз описка *Su-ut-ta-tar-ra*), с. № 10.

12. *Kur-ti-ū-a/az-za* (хурритское чтение [**kurdiwassa*]. — И. Д.), с. № 9, хурритское личное имя *Keli-Teššob*, вассал Суппилиумаса I и последний царь Митанни. Прежние этимологии исходили из ошибочного чтения **Mattiwazza*, **Sattiwazza*; для нового чтения пока предложено **Krti-vāja-*, но фактически засвидетельствовано только словосложение *vāja-krtu-a* «боевой подвиг». Добавим, что хурр. *-zz-* — вероятно глухое⁵⁸ и вряд ли может передавать звонкое [ʒ].

⁵⁵ Удвоение *-it-* в «строгой митаннийской» орфографии хурритского языка означает глухое [t̪]; в более ранней орфографии [t̪] и [t̪/-d-] не всегда различались, отсюда написание *Ma-i-ta-ni*.

⁵⁶ Написание *Tu-iš-* похоже на описку (под влиянием следующего *-e-*?). Ср. среднеассирийские написания *ū-ra-us-si* [urpassi] — КАЈ, 2, 12; *i-ma-du-ad* [imaddad] — КАЈ, 27, 21. К этимологии *-ratta* < индоир. **ratha-* «колесница» (так и К.) см. ниже прим. 81.

⁵⁷ Обычно после *r*, так как сочетаний *C + r*, кроме *-wr-*, *-yr-*, в хуррито-урартском, как правило, нет (исключение: хурр. *ukri* «нога», но урарт. *kuril*). Однако ср., например, хетт. *i-wa-a-ru* < хурр. [**ewr-o*] «наследственное семейное владение» — см. N. B. J a n k o w s k a, Zur Geschichte der hurritischen Gesellschaft, «Труды XXV МКВ», I, М., 1962, стр. 226 сл.; хурр. *ewer-ne* < **ewr(i)-ne* «господин (опред.)»; после *r* часто в урартском, например *ar-a-ne* — УКН, 99, 2; 276, 2 при *ar-ne* «доброта, благость» *passim*; URU *Ir-e-bu-nell* URU *Ir-bu-ne*, и мн. др. Это явление объясняется глухим придыхательным произношением *r* как [ɣə] или [ɣh]; см. Е. А. S p e i s e r, ItH, § 70; И. М. Дьяков, Материалы к фонетике урартского языка, «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, § 12.

⁵⁸ Спайзер в своих работах по хурритской фонологии не предполагает глухости *-zz-*, однако (1) все удвоенные согласные в «строгой митаннийской» орфографии, кроме сонантов, — глухие; (2) хурр. *hazzizzi* (и лишь по небрежности *ha-az-zi-zi*, *ha-zi-iz-zi* и др.) < аккад. *hasisu*; (3) хурр. *-(u)zzi* ~ урарт. *-usz* (окончание прилагательных). Но хурр. *-zz-* ≠ сем. *-s-*, ср. хурр. (в угаритской графике) *hzz*, а не *hss*! При этом, однако, само зап. сем. *s* передается в египетском не как š[s], а как š [t̪] или [t̪']; заметим также, что хурр. *s* соответствовало урартскому š [c].

Итак, оказывается, что хотя тронные имена царей Митанни (женщины династии носят хурритские имена) не этимологизируются из известных древних языков Передней Азии (в том числе и из хурритского), но и ясных индоиранских имен среди них почти нет. В пользу индоиранского характера митаннийских царских имен говорит скорее исторический контекст, чем твердые лингвистические данные.

Большой раздел книги К. (стр. 87—109) посвящен царству Киццуватна (позднейшая Киликия). Весьма распространено мнение, что не только Митанни, но и Киццуватна была завоевана индоиранцами, и что отсюда якобы арийское языковое влияние сказалось и в хеттском. С точки зрения К., вся эта гипотеза держится на мнимой индоиранской этимологии ИС одного из царей Киццуватны, хетт. *Sunassuras*, современника Суппилиумаса I. Этимология эта была предложена А. Гётце в очень осторожной форме, затем фактически взята назад, но успела внедриться в литературу. Элемент $-(a)ššura$ = хетт. $-(a)ssuras$ действительно нередко встречается в переднеазиатских ИС этого времени, особенно на хурритской территории; но ни одно из них не может быть без натяжки сопоставлено с индоиранскими словосложениями — ИС или эпитетами⁵⁹. Распространенная этимология от индоир. **asura-* «божество определенной группы или „фратрии“, противостоящей божествам группы или „фратрии“ *daiva-* (инд. *deva-*)» невозможна: 1) таких ИС в историческое время нет (в Индии *асуры* — скорее недоброжелательные божества); 2) предложенные словосложения с *asura-* дают в качестве ИС бессмыслицу, почему авторы этикине «господин» (например *Qalmaššura* якобы **karma-asura-* «господин жение!»); не лучше обстоит дело и с этимологией от *šura-* «сильный». Ландсбергер предлагал, правда, считать индоиранскими еще два царских ИС из Киццуватны, *Pariyawatris* и *Pattatissus*; первое из них встречается и в хеттском царском доме; но и эти ИС не имеют ясной этимологии. По-существу К. дает подробный разбор источников по истории Киццуватны и ее хронологической схемой, не оставляющей места для хеттского Среднего царства, как она строилась Б. Ландсбергером⁶⁰. Тем более не остается места в хеттском языке вовсе нет⁶¹.

По-видимому, на древнейшее («неиндоевропейское юго-восточноанатолийское») население Киццуватны сначала наслоилось лувийское, а затем уже хурритское — но не из Митанни, а потому без примеси индоиранского элемента. Отметим, что Киццуватна называлась также, по своей

⁵⁹ Скорее всего — это просто хурритизованная форма имени бога *dAššur'a*, который почитался не только в Ассирии, но и в занятом хурритами Уршу, — см. Н. Б. Яковлев, Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР, М., 1968, стр. 15.

⁶⁰ B. Landsberger, Assyrische Königsliste und «Dunkles Zeitalter», JCS, VII, 1954, стр. 47 слл.

⁶¹ Г. Кронассер (H. Kronasser, Etymologie der hethitischen Sprache, Wiesbaden, 1962) постулирует особую «волну заимствований» из индийского в хеттский «жар», *turiya-* «запрягать в телегу», *hissa-* «дышло» и *warsa-* «ливень (?)». К., посвящая почти целиком этому автору главу «Примеры ошибочных толкований» (стр. 184—194), показывает унаследованный из общеиндоевропейского характер этих хеттских Кронассера, в целом обоснованной, К. не всегда удерживается в пределах справедливости, приписывая ему утверждение о двух вторжениях ариев в Хеттское царство и смешение глосс с заимствованиями (стр. 38), чего все же нельзя вычитать из приводимых ею же выдержек из критикуемого автора.

столице, *Kitmanni* (= Комана Катаонская); сюда из Кумме на р. Верхнем Забе был перенесен культ бога-громовника Тешшоба.

Обращаясь к хурритской экспансии XV—XIV вв.⁶² на Запад (главным образом по материалу Алахла IV) и на Восток (на материале Аррапхи — Нузы), К. пишет (стр. 109), что непонятные имена сиро-палестинских династов можно произвольно привязать к любому языку, при желании — и при необоснованности методики — и к индоиранскому, но что в остальном углубленное исследование открывает лишь новые хурритские языковые и культурно-исторические факты. На западе хурритский элемент всюду налагается на западносемитский — в Алалах хурритов было много в XVIII в., а в XV они составляли большинство; в Угарите хурритское влияние, по мнению К., начинается лишь вместе со влиянием Митанни. После образования великой Хеттской державы при Суппилиумасе I на всем пространстве от Хаттусаса до Центральной Сирии создается единая культурная провинция со смешанным хуррито-лувийско-семитским населением — однако нет никаких следов индоиранцев.

Относительно поздно (налагаясь частью на семитский, частью на неясный древнейший этнический элемент) появляются хурриты в Шагер-Базаре (северная Месопотамия) и в Аррапхе — Нузе (к востоку от Тигра)⁶³. Трудно сказать, имеем ли мы дело с единым движением хурритов, начавшемся еще в III тыс., или с отдельными местными передвижениями. Каждый район, указывает К., нужно исследовать особо, а для выводов о миграциях опираться на с о т н и имен (таков материал Алахла и Нузы), а не на единичные ИС. В известной сводке ИС из Нузы⁶⁴ Бонфанте и Дюмон предложили считать «в о з м о ж н о индоиранскими» 1% имен. Но как подробно показывает К., в с е эти имена, за исключением одного, принадлежат лицам, родичи которых либо носят заведомо хурритские и изредка аккадские имена, либо (реже) не известны. В числе носителей «арийских» имен есть и рабы. Напротив, все многочисленные члены царского дома (К. учла их еще не полностью) — хурриты. Ни одно из ИС, отнесенных Бонфанте и Дюмоном к индоиранским (например, с элементами *-(aš)-šura, biria-, paria-, -(z)zana/i, -zina*), не является достаточно убедительных типологических аналогий с подлинными индоиранскими ИС, не говоря уже о точных совпадениях. В лучшем случае некоторые имена не похожи на образцы хорошо изученной сейчас хурритской и семитской ономастики. Даже такое имя, внешне похожее на индоиранское, как *Artamna* [**ar-damna*], имеет достаточно близкие неиндоевропейские аналогии (см., например: NPN, стр. 33 сл. и специальный раздел об именах на *Artay* К., стр. 176—180).

Переходя к индоиранской стороне проблемы, К. обращается к именам «арийских» богов в договоре с Куртиваззой. Начиная с 1907 г. продолжа-

⁶² Собственно об экспансии хурритов в XV—XIV вв. мы ничего не знаем: можно, например, предполагать, что увеличение числа хурритских ИС в Алалах с XVIII по XV в. шло за счет хурризации семитов, а не за счет притока нового населения извне, несмотря на зависимость от Митанни, и т. д. Напротив, поскольку диалект хурритов Угарита явно отличался от митанийского (см. Е. Лагасhev в кн. «Ugaritica», V, 1968, стр. 52 сл.), постольку связывать хурритское влияние здесь с владычеством Митанни (как это делает К.) трудно.

⁶³ Проблема лингвистического субстрата древних языков Передней Азии сейчас предстает в новом свете в связи с открытием субарейских текстов И. И. ван Дейком. До сих пор было известно, что термин шум. *Su(-bira)*, акад. *S/Subartu* (прилагат., *šubriu, šubarū*) в I тыс. до н. э. обозначалась Ассирия, во II тыс. — хурритоязычные территории в верховьях Тигра и Евфрата, и предполагалось, что первоначально этот термин означал некое дохурритское население.

⁶⁴ I. J. Gelb, P. M. Purves, A. A. MacRae, *Nuzi Personal Names*, Chicago, 1943 (далее — NPN). Раздел хурритских, касситских и предполагаемых арийских ИС составлен П. М. Первезом.

ется спор о том, что представлял собой язык переднеазиатских ариев — общеиндоиранский (в чистом виде или с индийской диалектной окраской) или уже древнеиндийский. В 1960 г. П. Тиме попытался путем реконструкции ступеней развития функций соответственных арийских богов до специальных «божеств договора» доказать, что в этом договоре они уже не общеиндоиранские, а индоарийские. К. замечает, что равноправное «представительство» в договоре как богов-асуров (Митра, Варуна), так и богов-дэвов (Индра, Насатьи) указывает скорее на эпоху до разделения индоиранцев (как известно, у индийцев асуры — скорее недоброжелательные божества, а в иранском зороастризме, — впрочем, гораздо позже — дэвы — это демоны). Кроме того, К. обращает внимание на то, что в с е двести с лишним хеттских, арийских и хурритских божеств перечислены с одной целью — скрепить их авторитетом договор, и роль арийских богов не отличается от роли остальных ⁶⁵.

Однако обратимся к самому тексту соответственных строк списка богов в договоре: DINGIR^{MES} ⁶⁶ *Mi-it-ra-aš-ši-e/il* DINGIR^{MES} *U-ru-wa-na-aš-ši-el* (вар. DINGIR^{MES} *A-ru-na-aš-ši-il*) ⁶⁷ *In-tar* (вар. ^d*In-da-ra*) DINGIR^{MES} *Na-ša-at-ti-ia-an-na*. Отметим, что текст договора — аккадский. Однако формы, в которых переданы имена этих богов, — не аккадские и не индоиранские. Они не совсем легко объясняются и из хурритского — мне представляется, что окончание *-l*, как часто в богазкейском хурритском, стоит вместо *-lla* (в митаннийском диалекте ожидалось бы даже *-lla-n*; если оригинал был митаннийский, то можно предположить, что писец, энклитический союз *-an*, который в хурритском предложении повторяется слишком часто с точки зрения норм аккадской грамматики ⁶⁸, а здесь, приняв *Mitraššel* и т. д. за единое имя собственное, по ошибке выбросил *-l*, получаем осмысленную хурритскую цитату-перечень ⁶⁹: *en(i)-na Mitra-(a)z-we* ⁷⁰ *lla(-n)*; *en(i)-na Urwan-až-we-lla(-n)*; *Indar(a)*; *Na(š)šatia-na* ⁷¹ «боги, (из) митриных они суть; боги, (из) урвановских они суть; Индра; Нашатьи». Хотя К. принимает традиционное отождествление *U-ru-wa-na* с инд. Vairāṇa- (правда, под звездочкой), но в этом отождествлении, наве-

⁶⁵ Порядок перечисления богов в варианте хеттской канцелярии: хеттские, «арийские», хурритские, в варианте митаннийской канцелярии: хурритские, «арийские», хеттские. «Арийские» — не свои и не вражеские, как бы нейтральные. Однако в древности, — хотя по понятным причинам, свидетелем всех договоров и клятв считалось прежде всего световое или небесное божество, — клялись вообще любыми божествами.

⁶⁶ К., судя по ее транскрипции, считает DINGIR^{MES} непронизосимым детерминативом; это затрудняет толкование данных строк и необязательно орфографически.

⁶⁷ Первый вариант — в двух копиях, второй — в одной.

⁶⁸ Аккадские переводы с хурритского, где все союзы переведены буквально, как, например, в ряде текстов с нестандартной формулой из Нузы, довольно невняты (вроде филологических подстрочников), а иногда и безнадежно непонятны.

⁶⁹ Довольно близок перевод, предложенный А. Гетце в статье Тиме (JAOS, 80, 4, 1960, стр. 305, прим. 13); расхождения зависят от принципиально иного понимания грамматического строя хурритского языка у Гетце, но смысл в целом разнится не очень сильно.

⁷⁰ Даем аналитическую транскрипцию: род. п. мн. ч. **-až-we* фонетически реализуется как *[-aššē]*.

⁷¹ Написание в тексте должно было бы нормализоваться как *[Nažattianna]*, но я предполагаю довольно обычную небрежность писцов, зафиксировавших не все удвоения в слове. В «строгой митаннийской» орфографии удвоение обеспечивает глухое произношение: *-šš-[-(š)š-]*, *-tt-[-(t)t-]*, но *-š-[-ž-]*, *-t-[-d-]*; удвоение *-n-* я объясняю здесь влиянием ударения или аналогии с многочисленными хурритскими прилагательными на *-anne* (*-anne + -na = -anna*). Суффикс *-na* — определенный артикль мн. ч., поэтому и DINGIR^{MES} = *en(i)-na*. Передача индоир. *[s]* как хурр. *š(š) [š]* естественна, так как хурр. *s*, видимо, = *[c]* (~ урарт. *š*, что по древнеармянски передается как *c*).

янном индийской «двандвой» *Mitrāvaruṇā*, позволительно усомниться. Первые исследователи текста опирались преимущественно на единичный вариант *A-ru-na-aš-ši-il*; он казался им точно воспроизводящим инд. *Vaṇiṣa-*: считалось, что *w-* в аккадском могло опускаться. Однако в хурритском пропуск *w-* не встречается. И уж *Ū-ru-wa-n(a)-* никак не может передавать **Vaṇiṣa-*: в ряде языков и диалектов Передней Азии этого времени *-u-* появляется на месте *-wa-*⁷², но обратного никогда не наблюдается. Напротив, среднее *-u-* в *A-ru-na-* вполне может быть <*-wa-*; что же касается начального *u-* в *Ū-ru-wa-n(a)-*, то оно могло быть воспринято как протеза перед *-r* и заменено на столь же законную протезу *a-*, может быть, под влиянием хетт. *Aruna* «Море». Имя **Urwan(a)* и его форму должны объяснить индоиранцы.

Видя в тексте договора общиндоиранских богов Митру, Варуну, Индру и Насатий (Ашвинов), К. заключает, что этого материала недостаточно для решения в пользу еще общиндоиранского или уже индийского характера переднеазиатских ариев; это решение зависит от того, упоминается ли в Передней Азии какое-либо специфически индийское божество. Таким божеством считается др. инд. *Agni*- «Огонь» (ср. иран. *Ātar*, хетт. *Pahhur*). К. показывает, что Агни в переднеазиатских текстах нет: угарит. *agn* — не «огонь», а «котелок», аккад. *aganu*⁷³, а хеттский злой демон *Aknis*, от пожирания которым⁷⁴ сохранились апотропеические ритуалы, но тождествен хетто-лувийскому обожествленному огню — *ḫPahhur*, и вообще ни из чего не следует его связь с огнем⁷⁵. Упоминание каких-либо других индоевропейских богов в древней Передней Азии тоже не доказано.

К. делает выводы (стр. 156): (I) все «арийские» ИС «должны быть заново проверены на основе существующих древнеиндийских или древнеиранских ИС или, в крайнем случае, на основе действительно засвидетельствованных словосложений, которые мысленно себе представить в качестве человеческих имен»; (II) но при этом «следует учитывать, что значение имен в этот ранний период могло несколько отличаться от засвидетельствованных поздней». Как общие положения, эти принципы справедливы; но мне кажется, что сама К. не всегда строго их придерживается. В самом деле: полное совпадение между тронными именами митаннийских царей и реально засвидетельствованными индоиранскими ИС имеется только одно, если только это не простое созвучие, — *Ar-ta-ta(-a)-ma* = **R̥ta-dhāmā*. К. определенно настаивает, что ИС, этимология которых не соответствует принципу (I), нельзя считать доказанно индоиранскими. В этом она, несомненно, права; но тогда нет причин делать исключение для митаннийской династии. Правда, Майрхофер считает, что если одно или несколько

⁷² Примеры многочисленны в некоторых диалектах аккадского, в хеттском (J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch*, I. Heidelberg, 1960, §§ 16—17); ср. также вариант *ti-e-ru(-ū)-ur-ta-an-na* вместо *ti-e-ra-wa-ar-ta-an-na* «три пробога» в тексте Киккули.

⁷³ Так во всех основных семитологических словарях; лишь С. Г. Гордон в своих пособиях по угаритскому языку колеблется, — вероятно, под влиянием *communis opinio* индоевропеистов; И. Айстлейтнер (J. Aistleitner, *Wörterbuch der ugaritischen Sprache*, В., 1963, стр. 67) переводит «угли» [мн. ч. от *gnl*(?)].

⁷⁴ «Как маленькое зернышко выскакивает из-под жернова, так пусть (жертвователю) выскочит из пасти Акниса». До бога огня и очага тут далеко, но, как замечает К. (стр. 150), «обилие литературы вопроса постепенно затмевает ненадежность аргументации».

⁷⁵ Попытка обосновать противоположную точку зрения содержится в статье Н. Оттен, М. Майрхофер, *Der Gott Akni in den hethitischen Texten und seine indo-arische Herkunft*, OLZ, 60, 11/12, 1965, стр. 545—552.

ИС в некоторой семье — определенно арийские, то и другие (неясные) ИС в этой же семье можно рассматривать как арийские. К. справедливо оспаривает этот прием — в самом деле, что будет, если, перевернув рассуждение, сказать: «поскольку одно или несколько ИС в семье хурритские, то и остальные хурритские»? (ср. выше об ИС из Нузы). Очевидно, что ИС, не имеющими этимологий, в том числе ИС митаннийских царей, в исторических целях оперировать сколько-нибудь уверенно нельзя.

С другой стороны, ИС, не являющиеся доказанно индоиранскими, еще нельзя считать тем самым доказанно неиндоиранскими, что следует из принципа (II), которому К. уделяет мало внимания. Достаточно сравнить иранские ИС доахеменидской Мидии, авестские, ахеменидские и сасанидские, или шумерские времени Раннединастического периода и времени III династии Ура, чтобы убедиться, что в массе они очень сильно различаются по структуре и смысловому (идеологическому) содержанию. Поэтому нельзя требовать от ИС неизвестного индоиранского диалекта (или даже пра-языка) в середине II тыс. до н. э. обязательно полного совпадения с ведическими или авестскими — разве что если считать язык «переднеазиатских ариев» просто индийским. Можно и должно требовать лишь, чтобы ИС, признаваемые за индоиранские, были осмысленными и соответствовали нашим представлениям о словообразовательных и фонетических нормах общиндоиранского, а также о возможном состоянии идеологии того времени. Кроме того, следует исключить вероятность случайных созвучий; проверка по языковой принадлежности имен родичей данного лица хотя и не дает полной гарантии правильности этимологии, но увеличивает ее вероятность. Отвечающих таким требованиям ИС среди переднеазиатского материала наберется едва ли более полутора-двух десятков; если до сих пор их насчитывали больше, то причиной этому были допускавшиеся методические ошибки.

К. не рассматривает в с е переднеазиатские ИС, для которых предлагались арийские этимологии, разбирая допущенные ошибки лишь на наиболее ясных примерах. Источниками этих ошибок она считает, между прочими: 1) повторение без проверки ранее делавшихся утверждений, в том числе и уже опровергнутых; 2) толкование ИС исходя из собственного древнеиндийского «языкового чутья», а не согласно существующим пособиям по словообразованию и ономастике; 3) учет состояния индоиранских языков в столь ранний период — например ⁷⁶*Bedaššura* выводится из инд. *veda-asura-, а должно было быть все еще *vaida-asura- (не говоря уже о бессмысленности данного словосложения), *Aššuzzana* выводится из *ašva-sanaḥ-, а должно было бы быть *ašva-sanas-!; 4) отсутствие проверки, не является ли сравниваемое санскритское слово заимствованием из дравидского и потому поздним (наоборот, наличие той ли иной лексемы в переднеазиатском ИС считается достаточным доказательством, что она не заимствована из дравидского!); 5) изобретение незасвидетельствованных словосложений по нехарактерным словообразовательным типам или из слов, либо вовсе не засвидетельствованных в данном значении (abhi- в ИС *Abirattaš*, asura- в - (*aššura*), либо не дающих в саний так, словно они написаны по одной и той же орфографии, с одной и той же фонетической реализацией графем ⁷⁷; при этом часто общим образом указывают на (нередко мнимое) «несовершенство» клинописи, хотя

⁷⁶ В действительности читать *Tildaššura*, как указывает К. со ссылкой на Лакмана (JNES, 8, 1949, стр. 52).

⁷⁷ Следует сделать упрек самой К., а также вообще хеттологам и хурритологам. При транслитерации любого клинописного текста по знакам, конечно, нужно придерживаться единой системы латинизации во избежание путаницы в восприятии воспро-

Во всяком случае, К. права, говоря, что нельзя прямо применять фонетические законы к древним клинописным написаниям, не учитывая исторических данных и обстановки, местных языков и особенностей их законов словообразования, норм графики и орфографии, возможной сего

мантики слов, а также без реконструкции состояния искомого языка в тот период и без подтверждения предлагаемых этимологий реальными фактами ономастики и правилами словосложения реконструируемого языка⁷⁹. К сожалению, часто приходится встречать множество попыток этимологизации (особенно топонимов) без заботы даже и о фонетических законах, на основе одной лишь «сирены созвучий».

Для того чтобы выявить характер неизвестного языка, часто применяют метод выделения «начальных» и «конечных» элементов семантически несных ИС или топонимов. Если язык вовсе не известен, то, по К. (стр. 167), этот метод на худой конец приходится применять, но результаты получаются скудные и нередко вводящие в заблуждение⁸⁰; если же речь идет о языках, для которых существуют общие и ономастические словари, такой метод излишен и даже вреден⁸¹.

Из имен нарицательных, которые относят к «индоарийским» (новейшие исследования их насчитывают до 25), нужно выделить три группы.

А. Глоссы в «тексте Киккули»: это прежде всего сложение нечетных числительных *a-i-ka-* «один», *ti-e-r(a)-* «три», *pa-an-za-* «пять», *ša-at-ta-* «семь», *na-(a)-* «девять» со вторым элементом *-wa-ar-ta-an-na*; далее, *wa-ša-an-na* (с род. п. *wa-ša-an-ra-ša-ia*) «ристалище» и (по К.) титул самого Киккули *LU aš-šu-uš-ša-an-ni-* (ср. глагол хетт. *anda wartanzi* «накручивают (хвосты)», который тоже считают «арийским»). Перечисленные слова введены в текст как иноязычные термины-глоссы (иногда им тут же дается перевод, причем не только на хеттский, но еще сначала на хурритский, например ар. *na-(a)-wa-ar-ta-an-na* переведено в хеттском тексте по хурритски как *ni-šu-wa-a[n(?)]-ni-wa_a ti-du-u-[p-pa]* «на девятую на твою часть»⁸²; а сам текст написан на беспомощном хеттском языке, сквозь который ясно проглядывает хурритский — отнюдь не индоиранский — язык составителя; следовательно, это не заимствование в хеттский, а застывшие терминологические глоссы, мертвые не только для хеттов, но уже и для хурритов. Формы числительных довольно своеобразны для древнего индоиранского языка, однако обычно обсуждались только *a-i-ka* (как доказательство индийской, а не иранской языковой принадлежности переднеазиатских ариев)⁸³ и *ša-at-ta-*, в чем видели среднеиндий-

⁷⁹ Следует задаться вопросом, в какой мере можно реконструировать ход заселения Западного Ирана праиранскими мидянами по ИС, которые засвидетельствованы ассирийскими текстами. Положение здесь не совсем то, что в Митанни: сплошное заселение данной территории праиранскими племенами, вообще говоря, бесспорный факт, и проблема лишь во времени и путях этого заселения. Однако все перечисленные требования к этимологии ИС остаются в силе и здесь; вот почему я скорее склонен отбросить некоторые свои прежние этимологии из «Истории Мидии» как слишком оптимистичные, чем в целом (не говоря о частностях) принять еще более оптимистические результаты Э. А. Грантовского (Э. А. Грантовский и Иранские имена из Приурмийского района IX—VIII вв. до н. э. «Древний мир. Сб. в честь В. В. Струве», М., 1962, стр. 250 сл.), хотя он и стремится к соблюдению фонетических законов, и трудно сказать, когда исчерпываются возможности толкования ИС из этих языков, а не из иранского. Во всяком случае, только по недоразумению продолжает иметь хождение возникшая в XIX в. и много раз опровергнутая этимология аккадского прозвища богини Варубани, жены урартского бога Халди, — **Ba-ag-BAR/MAŠ-tu*, как иран. *bağa mazda* «бог (!) премудрый», не имеющая ни реального, ни грамматического, ни фонетического, ни графического оправдания.

⁸⁰ Ср. примеры, приведенные в кн.: Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 198, прим. 21.

⁸¹ Против этого справедливого положения К., однако, в двух случаях и сама грешит, соглашаясь выделить индоир. *ratha-* «колесница» из неэтимологизируемого в целом ИС *Tuīšeratta* и *ašva-* «лошадь» из титула Киккули *LU aš-šu-uš-ša-an-ni-*.

⁸² Т. е. **niš-wa-(n)ne-wa tid-uv-wa*; к значению **tid-* «часть» ср. урарт. *did-* «делить» — Дьяконов, УИД, стр. 77 и глоссарий. См. К., стр. 205—207.

⁸³ «Один» только по-индийски *eka* < **aika*, а во всех иранских языках для «один», как кажется, имеются только формы, восходящие к **aiva-* (или к среднеиранскому

скую (или аналогичную среднеиндийской) форму *satta- <др.инд. sapta-. Однако и другие числительные заслуживают внимания; они фактически не объяснены и у К., хотя она справедливо указывает, что объяснение им нужно искать не в индоиранской, а в хурритской фонетике (и графике). Хотя в отношении *ti-er(a)-* К. отмечает, что в хеттском допустимо полногласное написание даже при двухсложном начале (ожидаемая форма — [*tr(i)-!]), однако застывшие формы, воспроизведенные при письменном переводе с хурритского, должны были бы сохранить и хурритскую орфографию, для которой характерно полногласное написание лишь для указания на отсустствие двухсложного начала (ItH, § 21 сл.); следовательно, читать надо [*ter(a)-], что, без сомнения, объясняется недопустимостью последовательности «согласный + r» в хурритском. Равно и *ša-at-ta-* пишется так потому, что написание *ša-ap-ta- по правилам хурритской орфографии звучало бы [sabda-] (ItH, § 49), что акустически дальше от нужного *sapta-. Из хурритской же фонетики объясняется и стяжение *na(a)-wa-ar-ta-an-na-* (дважды) вместо *na-wa-wa-ar-ta-an-na⁸⁴. Таким образом, еще раз доказывается, что «текст Киккули» не свидетельствует о прямых контактах хеттов — и даже хурритов XIV в. — с носителями индоиранского языка. К реконструируемой К. форме общиндоир. *važhana как прототипа *wa-ša-an-na* в «тексте Киккули» отметим, что вероятное хурритское произношение было [wažanna]. Неясно мне слово *Ltāš-su-uš-ša-an-ni-*, которое, видимо, не имеет этимологии ни из индоиранского, ни из хурритского; может быть, оно все же лувийское? Коневодство в Малой Азии и Месопотамии, как подчеркивает сама К., было известно не только индоиранскому. Думаю, что осторожнее было бы пока не связывать его с индоир. *ašva-* «конь». В ассирийском коневодческом трактате почти того же времени⁸⁵ мы встречаем *su-sa-ni* (род. п. на -i), вероятно, под влиянием западносемитского *sūsū «конь»; но это слово не имеет отношения к позднеав. *šūšāni* (что К., по Эбелингу, переводит «Tierwärter») ⁸⁶.

Очень важно то подробно показанное К. обстоятельство, что *-wa-ar-ta-an-na*, несмотря на этимологию (и.е. *цег-т- «вертеть, поворачивать»), в контексте данных коневодческих руководств означает вовсе не круг на ристалище, а определенное расстояние при скачке колесниц по прямой⁸⁷; при этом четные обороты или, вернее, пробеги либо вовсе не имеют специальных обозначений, либо хурритские⁸⁸.

Б. Этимологически неясные слова, встречающиеся в аккадо-хурритских (Нуза) и аккадо-касситских списках лошадей и означающие их имена,

ēva-k), хотя, как мне указал В. А. Ливиниц, это не вполне ясно по отношению к перс. *yāk*. Однако нет ничего невероятного в том, что в говорах общиндоиранского могли быть две формы (как в диалектах древнегреческого, К., стр. 203).

⁸⁴ Ср. например, хурр. **tanōziwaf* «я не сделал» > *tanōziuf* (пишется *ta-a-nu-ši-up-uš* — Mit. II, 113), и комплекс морфем **iya-we* > *-iyē* (ItH, § 69).

⁸⁵ E. Ebeling, Bruchstücke einer mittelassyrischen Vorschriftenammlung für die Akklimatisierung und Training von Wagenpferden, В., 1951, стр. 11 п 48.

⁸⁶ *Sūšānu* — «неполноправный колон на царской или храмовой земле, glebae adscriptus и обязанный воинской и другими видами службы» (любезно сообщено М. А. Дандамаевым).

⁸⁷ Один «круг» = «пробег» составляет 2—3 км. Вопреки мнению Херцфельда — Хаушильда — К., сюда вряд ли относится традиционное расстояние в е р х о в ы х скачек в Туркменин.

⁸⁸ Два круга: хетт. *ši-i-ni-ši-el-la a-ū-za-mi-e-wa tarkummanzi* «это переводят *šini-(š)ši-lla auz-u(m)-me-wa*», т. е. (хурр.) «дважды их на скачку (гонят)»; о наречиях на *-šši-* см. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, стр. 157; *-lla* «их», *-umme* инфинитив, *-wa* дат. п. Иначе *ši-i-e-ša a-ū-zu-mi-e-ša* «на две скачки» (чит. *ši-i-ni(!)-ša* и т. д.? Но ср. урарт. *ši-ši(ne !)* «два» — УКН, 128 В 1, 34); *-ša* = **-z-wa* дат. п. мн. числа. Ср. для «девяти кругов» выше прим. 82.

возраст, масть и т. п. (не всегда можно установить, что именно). Таких эпитетов в списках — десятки, большинство по понятным причинам не имеет этимологии (слишком специфическая лексика, не поддающаяся проверке контекстами других памятников), некоторые давно отождествлены как хурритские⁸⁹, некоторые ненадежно читаются. Для четырех предложены арийские этимологии⁹⁰, причем К. спорит с конкретными толкованиями Майрхофера. Спор этот представляется довольно бесплодным: в с е объяснения подобных слов крайне сомнительны, имея в виду неясность контекста и обилие в нем явно не индоевропейских слов очень сходной структуры.

В. Якобы индоиранские слова, встречающиеся в собственно хурритских текстах, а также в аккадских, писанных хурритами или содержащих хурритскую терминологию, К. показывает невозможность или, по меньшей мере, спорность предложенных этимологий, например: 1) *aratianri* [aṛ(a)dianna], характеристика к эпитету колесницы в хозяйственном тексте; этим.: индоиран. *rathya- «колесничный», а- хурр. протеза перед r-; опровергается бессмысленностью перевода: «колесница такая-то колесничная»; 2) *ašuwaniṇni* — эпитет колесницы, употребляемый и самостоятельно; этим.: инд. *aśva-nī- «ведущий коня»; обыкновенно конь ведет колесницу, а не наоборот; к тому же в данном списке все колесницы — конные; 3) *tak/ganni* «подарок»; этим.: инд. *maghá- «подарок»; однако хурр. *maganni* имеет основу *magan-*⁹¹; 4) *maninni* «род украшения»; этим.: инд. *maṇi- «ожерелье»; индоевропейское ли? Хурр. и хетт. *maninni* означает, между прочим, и «украшение ручки сосуда»; вероятнее хурритское происхождение; 5) *marianṇi* «колесничий» (но отнюдь не «знатный», как переводят уже более 50 лет!)⁹²; этим.: инд. *marya- «юноша, герой» (но совсем иное значение в иранском!); не соответствует структуре хурритского слова⁹³ и его семантике; более вероятна связь с урарт. *mar-*

⁸⁹ Обозначения возраста, а также термины, выдающие свое хурритское происхождение своей словообразовательной структурой, например *elae*.

⁹⁰ *rabrunni*, *parit/dannu*, *pink/garannu*, *timiraš*; первое — к санскр. *babhrú- «бурый»? О *timiraš* см. прим. 32.

⁹¹ Точнее, мне кажется, видеть здесь хурритское прилагательное *tak/g-anne* с артиклем -ne: *mag-anne* + -ne > *maganne*. К., по-видимому, отказывается от точки зрения Спайзера (ItH, §§ 136 слл. и 159), согласно которой нужно отличать артикль -ne (мн. ч. -na) от окончания прилагательных -anne-, -u/onne-, -i/enne-, однако смешивать эти две грамматические категории не следует; в урартском они различаются вполне четко (-na и -inā), несмотря на возможную их генетическую связь (Т. В. Гамкрел и д з е, К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка. ВДИ, 1956, № 4, стр. 138—145). Так, например, хурр. *ma-āz-ri-a-an-ni* «египетский» надо толковать как *mažrt-anne*; число субстантивированных прилагательных (особенно имен профессий) на -anne и -u/onne очень велико (например, ср. еще *ušri-anne* «наследник» и мн. др.); этот суффикс не является особым формантом заимствованных слов, как одно время допускала К. При этом надо учесть, что *R-anne* + артикль -ne обычно дает стяжение по правилу ItH, § 66 (с) и прим., т. е. ту же форму *R-anne*; однако ср. у К., стр. 138 [Eia-da mad-onne-ne-da] (так читать!) «к Эа, к премудрому».

⁹² Точнейшие данные о социальном положении *marianṇi* приведены в ст.: М. Л. Гельцер, Войско Угарита и его организация, ВДИ, 1968, № 3, стр. 22—28. Они принадлежали к общей категории *bñš mlk* = *arad šarri* «арские служащие» и получали вознаграждение в виде права пользования участком царской земли. Лошадей, колесницы и снаряжение они получали с царских складов; имена носили хурритские и семитские. Все это мало похоже на «арийцев», — спражающуюся аристократию, которая «немедленно захватывала власть, где бы ни появлялась» (Н. Г. Гютербокс, рец. на «Hippologia Hethitica», JAOS, 84, 1964, стр. 269, прим. 9).

⁹³ Та же структура слова, что и в *maganni*! Отстаивая хурритское происхождение слова *marianṇi*, К. ссылается на типично хурритское образование имени абстрактного *marianṇardi* (указывающее на то, что -nni/e здесь — не артикль); но при этом К. ошибается, считая искажением этой же формы аккадское выражение *ana mariānāte* — АТ, стр. 95 (К., стр. 55 и 223): употребление ж. р. мн. ч. на -āti, косв. п. -āti/e — обычный в аккадском всех периодов прием образования абстрактных понятий, ср. в Угарите — PRU, IV, 17. 130, 12: *tam-ka-ra-tu-šu-ta* «его должник тамкара».

«обозначение одной из высших групп царских служащих»⁹⁴; 6) *martianni* [**mardiannə*] «обозначение группы людей»; этим.: индоиран. **martya* «человек» (дословно «смертный», в противоположность «божеству»), не подходит к контексту: «всего 60 человек, которые *martianni*» (речь идет о группе переселенцев); 7) *mati* [mad-i] «мудрый» (?) и родственное ему *matunni* [mad-onnə]; этим.: индоиран. **matí-*, **matú-*, имена абстрактные от **man-* «думать»; этим двум словам К. посвящает особую главу; здесь достаточно сказать, что *madí* употребляется в устойчивом словосочетании параллельно аккадизму *hazzizzi* «памятливый, мудрый»; «мудрость», образуя ряд типичных хурритских форм⁹⁵, и что оно ясно засвидетельствовано еще в хурритском III тыс. до н. э.; 8) *mištanni* «плата серебром за поимку беглых»; этим.: индоиран. **mizdha-* > вед. *mīdhá-* «единоборство»; «награда», «добыча», ср. авест. *mīzda-* «вознаграждение», слав. *мызда*, греч. *μισθός* «плата за труд» — выглядит убедительно, но не исключена и хурритская этимология от *mid-* «платить», например, **mi(d-i)št-a* «заплаченное»; 9) *urukanni* [-gm-] «род украшения»; этим.: инд. **rukma-* «кованое изделие, украшение», *u-* — хурритская протеза перед *r-*. Конкретное значение слова не известно; нет причин, почему бы оно не могло быть хурритским. Таким образом, нельзя считать доказанным наличие в хурритском арийских языковых заимствований, не относящихся к области коведства (кузнечно-ювелирное дело, абстрактные понятия).

В результате К. приходит к следующим выводам: индоиранцы не проникали во II тыс. до н. э. в Переднюю Азию нигде, кроме какой-то окраины, где они соприкоснулись только с одной — митаннийской — группой хурритов; в самом царстве Митанни XV—XIV вв. живого индоиранского языка уже не было, хотя о каких-то прежних контактах с индоиранцами помнили и ценили их, что отразилось в индоиранских тронных именах митаннийских царей (которые в быту пользовались хурритским языком и хурритскими именами) и в сохранении памяти о некоторых индоиранских божествах. Индоиранцы не знакомили Переднюю Азию ни с лошадью, ни с легкой боевой колесницей — и та, и другая были известны здесь еще раньше; мало того, именно Передняя Азия была, видимо, родиной легкой колесницы, однако индоиранцы выработали свою систему тренировки колесничных коней, более успешную, чем у соседних народов и эту-то систему сохранили, восприняв от них, митаннийские хурриты. Никакого другого (политического, идеологического, правового, языкового) влияния индоиранцы не оказали даже на хурритов, тем менее на хеттов, касситов, египтян и т. п. Хурриты были высококультурным народом со своей письменностью уже за 500—700 лет до контактов с индоиранцами и остались такими и после полного исчезновения индоиранского влияния на Митанни. «Переднеазиатские арии» были скорее всего отдельной группой общеиндоиранских племен (из той их части, что позже выделилась в особую индоарийскую языковую подветвь), — группой, оторвавшейся от общего движения этих племен в сторону Индии, которой основная масса достигла около 1500 г. до н. э., просачиваясь туда постепенно.

⁹⁴ Урарт. *Lū ma-re-yi-x* (-*yi-x* = GI) объединяет две категории царских служащих, *Lū ta[r]daš he(i)* и *Lū kiri-ne-i* (все три слова в род. п.) и противопоставляет евреям, рядовым воинам и рабочему персоналу — УПД, 12, 19. Ср. также прилагательное *Lū ma-ri-he* — УПД, 15, 14.

⁹⁵ Например, наречные или герундивно-причастные формы *ma-ta-a-e ha-a-zi-za-a-e* и др.; К., стр. 139 сл. Ср. ИС III тыс. [Sad-ar-mad], в Нузе [Sad-ar-mad-i]. Хурритскую цитату из ИВот, II, 39 (К., стр. 137), очевидно, надо перевести так: «Мужские божества! Пред Тешшобом — обиталище (богов), благодаря Эа, богу мудрости, пред Тешшобом — обиталище (богов)».

От себя заметим, что лингвистического материала для отнесения «переднеазиатских ариев» к какой-либо известной нам группе индоиранских племен, как кажется, слишком мало; глоссы не имеют точного соответствия ни в одном фиксированном письменностью древнем индоиранском языке ⁹⁶, большинство ИС этимологизируются в лучшем случае очень приблизительно, чаще же не имеют точных параллелей ни в древнеиндийском, ни в индоиранском, так что, как правило, вполне строго доказать их индоиранскую принадлежность нельзя, однако возможна такая принадлежность не только митаннийских царских имен, но и немногих из имен сиро-палестинских династов — может быть тех, кто был митаннийского происхождения. Сюда, однако, нельзя относить все неэтимологизируемые из семитского и хурритского ИС, насильственно подтягивая индоиранские этимологии.

Теперь о возможном ответе на вопрос о локализации хуррито-арийских контактов. На стр. 71—78 К. касается проблемы наименования государства, где правил «Тушратта». Встречаются три наименования: *Mittanni* (ранее *Maitani*), *Hurri* и *Hanigalbat* ⁹⁷. В аккадских текстах, кроме памятников из Хеттского царства, термин *Hurri* не употребляется, зато в своем хурритском письме «Тушратта» называет свою страну «хурритской», а в двух аккадских называет ее *Hanigalbat* (вместо обычного в его письмах *Mittanni*). Из более старых царей Шуттарна I и Сауссаттар называют себя царями *Maitani*, а Параттарна — «царем людей хурри». В связи с возникшей усобицей между «Тушраттой» и другим претендентом, «Артатмой» II (что он был братом «Тушратты», как обычно считают, ни из чего не видно), хеттские источники называют первого — «царем страны (города) Миттании», а второго — «царем страны Хурри». После падения Миттании в хеттских источниках (хеттско- и аккадоязычных) слово *Mittanni* постепенно выходит из употребления; говорится о «стране (или „странах“) Хурри» (видимо, последнее понятие шире прежнего «Миттании») или о «стране Ханигальбат» — причем эта терминология относится ретроспективно и ко временам существования Миттанийского царства. В остальной аккадоязычной письменности для государства Миттании, а позже для занимавшейся им ранее территории применяется термин *Hanigalbat*, *Hanagalbat*, *Haligalbat*, — вероятно, дохурритский.

Эта сложная система употребления терминов может быть, как мне кажется, объяснена следующим образом: *Hurri* (< **Hurwi*) было, несомненно названием народа (хурр. *hurroṣe*, *hurwoṣe*, хетт. *hurlas* «хурритский»; хетт. *hurlili* «по-хурритски») — поэтому этот термин мог применяться и к Миттании, и к другим хурритским государствам, в частности, и к государству «Артатамы» II, соперничавшего с митаннийским царем. «Царь Хурри» — не обязательно царь Миттании, но царь Миттании — обязательно царь людей хурри. *Hanigalbat* — термин, относящийся к стране, где правили «Тушратта» и его предки, т. е. к Северной Месопотамии, к югу от верховьев Тигра. Остается признать, что *Mai(t)ta(n)ne* ⁹⁸, позже *Mittanne* — династическое или, точнее, династически-племен-

⁹⁶ Ни *-wartanna*, ни *wašanna* не имеют точных семантических соответствий в индоиранских языках: инд. *varṭana* — «кручение, поворачивание», *varṭani* — «путь, след (повозки)», «пробег (повозки, коня, колеса)»; осет. *æццæгдун* «крутить», «объезжать лошадей»; инд. *vāhana* — имеет слишком широкий круг значений, Божества «переднеазиатских ариев», несмотря на соображения Тиме, — общиндоиранские; сохранение [s] надо отнести за счет стадии развития; одного *aika-* для определения диалекта мало.

⁹⁷ И еще четвертое — егип. *Nhrj* < зап.сем. *Nahrjina* «реки» (ков. п.).

⁹⁸ Написание *Ma-i-ta-ni* сделано в старой хурритской орфографии, не всегда различавшей краткие и удвоенные, звонкие и глухие согласные.

ное название государства⁹⁹. Можно высказать предположение о его происхождении. Хурриты не исчезли с арены истории около 1000 г., как это иногда предполагается: хурритская ономастика и топонимика встречается и в ассирийских и в урартских источниках IX—VII вв. до н. э. у верховьев Евфрата — Чороха — Аракса (страна аккад. *Dāie(n)ni*, урарт. *Diauhə*, греч. *Ταυχοί*¹⁰⁰ и т. п.), в Малатии на Верхнем Евфрате, в Шубрии у истоков Тигра, в Хубушкии на притоках Верхнего Тигра¹⁰¹, может быть (и) в стране Маннеев у оз. Урмия-Резайе (царевич *Erisinni* = хурр. **Ari-ženne*??), где уже происходил стык с кутийским языковым ареалом. Хурритами, — судя по суффиксу *-*uhə*, — были еще во второй половине I тыс. до н. э. и *Қардобури* — жители гор между озерами Ван и Урмия и по Верхнему Забу, они же *Ukkāia* писем из Куюнджика. Геродот (пользовавшийся, вероятно, сочинением Гекатея ~ 500 до н. э.) отмечает среди населения Армянского нагорья четыре этнических элемента — армениев (XIII сатрапия — Западная Армения), саспейров, алародиев (XVIII сатрапия — Северная и Восточная Армения) и матианов (ион. *Ματιηνοί* вместо *Ματιανοί*). Так как саспейры довольно надежно отождествляются с грузинскими племенами (груз. **Sa-sper*-о «страна сперов», ср. историческую область *Sper*- на Верхнем Чорохе), а алародии — с урартами, то для матианов остаются только хурриты. Это подтверждается и расселением матианов по Геродоту, которое довольно точно соответствует местам, где ассирийцы и урарты фиксировали хурритские ИС и топонимы: восточнее Верхнего Галиса (I, 72) и у истоков Аракса (I, 202) = *Dāienī* (ср. также VII, 72), в восточной части Армянского нагорья (III, 94), точнее — у верховьев Заба (V, 52) и Гинда (= Диялы? — I, 189), севернее киссиев (= касситов? — V, 49). Название «Матиана» еще долго держалось в районе Урмийского озера (Резайе)¹⁰². Можно предполагать, что матианами в собственном смысле назывались именно забские и приурмийские хурриты и что это название лишь перенесено у Геродота по аналогии также на родственных им верхнеевфратских хурритов (I, 72, 202 и VII, 72).

Если сделать вполне вероятное предположение, что в термине **Maittanpe* мы имеем древнее обозначение тех же приурмийских хурритов; и что они дали около ± 1550 : 1500 г. до н. э. свою династию хурритскому государству Ханигальбат, то многие факты станут на свое место. Известно, что в древности переднеазиатское коневодство первоначально длительное время удавалось вести хорошо только на альпийских лугах в горных районах Анатолии, Армянского нагорья и Ирана, и что в особенности именно приурмийские районы славились наивысшим уровнем коневодства¹⁰³. Надо думать, что на равнины Передней и Малой Азии коневодство и легкая колесница стали распространяться не позже конца III тыс. до н. э. именно с гор Армении и Ирана¹⁰⁴; в Иране же с колесничным

⁹⁹ Ср. в титулатуре касситского царя Агума II: «царь касситов и аккадцев, царь Вавилона»; здесь «касситы» функционально соответствуют *Mittanni*, «аккадцы» — *Hurri*, а «Вавилон» — Ханигальбату.

¹⁰⁰ Обратите внимание на типично хурритский переход начального хурр.-урарт. *d > t*; груз. *Tao*, др. арм. *Tay-kē*.

¹⁰¹ M. Salvini, *Nairi e Ur(u)atri*, Roma, 1967, стр. 76.

¹⁰² См. подробнее F. Weissbach, RE, s. vv.

¹⁰³ См. F. Thureau-Dangin, *L'huitième campagne de Sargon II*, P., 1912, II. 168—169 (район совр. Тебриза). Одной из двух любимых пород коней в новоассирийской армии была *mesāia*, от области *Messi* в Стране маннеев, к югу от оз. Урмии. Об отсутствии серьезных коневодческих центров в равнинных районах Передней Азии еще в начале I тыс. до н. э. см. N. B. Jankowskа, *Some Problems of the Economy of the Assyrian Empire*, «Ancient Mesopotamia, Socio-economic History», Moscow, 1969, стр. 266—267 и карта.

¹⁰⁴ Археологические свидетельства о коневодстве на территории Ирана пока, — может быть, случайно — имеются только поздние; следует, однако, обратить внимание

коневождением должны были затем познакомиться и арии, просачивавшиеся с начала II тыс. до н. э. из восточноевропейских и среднеазиатских степей; при этом именно в приурмийском районе мог и должен бы¹⁰⁵ состояться где-то в первой — второй четверти II тыс. до н. э. митаннийско-индоиранский контакт. Отсюда становится понятно, почему «оборот» (*-wartanna*) длиной в 2 км — каким он и должен быть в горных районах, где нет больших плоских пространств, — превратился при переносе системы тренировки колесничных лошадей на равнины Месопотамии в обозначение определенного расстояния в пределах конно-колесничного пробега по прямой. Вывод К. о том, что в «переднеазиатских ариях» мы имеем группу, отколовшуюся от общей массы индоиранцев, двигавшихся в сторону Индии, согласуется с нашими выводами о том, что, судя по экологическим данным, основными воротами движения полуседлых индоиранских скотоводов на юг должны были быть долины Атрека и Герируда, и лишь второстепенными — дагестанское побережье Каспия, откуда путь вел в приурмийский район¹⁰⁶. Кавказско-общиндоевропейские сходжения засвидетельствованы в древнейшей кавказской лексике¹⁰⁷, но есть языковые факты, которые можно рассматривать как следы прохода именно индоиранских племен через Кавказ; это слово вед. *ṛjīrua-*, авест. *əṛzīfya-* «орел»¹⁰⁸. Оно существует в восточнокавказском нахско-дагестанском праязыке (*-*arǰiw*)¹⁰⁹, который датируется не позже чем III тыс. до н. э.¹¹⁰, оно же, по-видимому, существовало и в урартском (*Ar-ṣi-bi-ṛgšiw*) имя царского коня, ср. др.арм. из субстрата *arǰi*, диал. *arǰiw*, груз. из арм.¹¹¹ *arǰiw* «горный орел» — не охотничий беркут степей!). Естественно предположить, что название орла, типичной птицы Кавказа, заимствовано степняками-индоиранцами у кавказцев, а не наоборот, тем более, что общее и.е. название орла — другое (**Her-n-*).

Так кончается миф о громадной роли арийских культуртрегеров в древней Передней Азии; сознание того, что смертельный удар ему нанесен из Германии, удовлетворяет чувству поэтической справедливости. Конечно, те ученые, которые приложили руки к созданию арийского мифа, не могли подозревать, как страшно он будет использован впоследствии, с перенесением самого понятия «арийцев» на другой индоевропейский народ и обращении с научными фактами всегда оборачиваются фальсификацией и всегда мстят за себя. Не пора ли и нам, историкам, вслед за физиками и техниками задуматься об ответственности ученых перед человечеством? Для человечества одинаково вредно, когда отменяют «нежелательные» племена там, где они были, и когда сочиняют «желательные» племена там, где их не было.

на мифологическую сцену на золотом кубке из Хасанлу в Стране маннеев, хотя позднюю (XII—XI вв.), но очень архаичную, с уникальным изображением у же л е г к о й боевой колесницы, с щ е запяженной не лопадью, а быками. Речь идет о колесницах хурритского мифа о б о г е Кумарве (Е. P o r a d a, The Art of Ancient Iran. Preislamic Cultures, N. Y., 1965, стр. 94—101). О специально колесничном коневодстве в других горных районах Передней Азии см. H a n ß a g, Das Pferd..., стр. 472—511.

¹⁰⁵ По имеющимся ономастическим данным хурриты никогда не жили юго-восточнее озера Урмия-Резайе; далее к востоку и юго-востоку жили, видимо, кутии.

¹⁰⁶ Об этом я предполагаю написать подробно в другом месте.

¹⁰⁷ См. Г. А. К л и м о в, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964, стр. 39 сл.

¹⁰⁸ С индоевропейской точки зрения слово это разъясняется безупречно, но в пользу его и.е. происхождения говорит, возможно, существование греч. *αἰγυπιός* «коршун», быть может, родственного вед. *ṛjīrua-*.

¹⁰⁹ Чеч. *arǰi*, ингуш. *arǰi*, баб. *arǰi*, лак. *arǰi*, б.-арз. *arǰi*.

¹¹⁰ Е. А. Б о к а р е в, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961, стр. 17 сл.

¹¹¹ А. Г. Ш а н и д з е, Название «орла» в грузинском языке, «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели», М.—Л., 1966, стр. 140 сл.

ARYANS IN THE NEAR EAST: THE END OF A MYTH

by I. M. Diakonoff

The author presents a review-article of the book by A. Kammenhuber: *Die Arier im Vorderen Orient*, Heidelberg 1968. He agrees with Kammenhuber that Indo-Iranian tribes were not the dominant element in the state of Mitanni and that it was not they who introduced horse-breeding and the light war chariot in the Near East; however, Mitanni (but not other) Hurrians came in contact with Indo-Iranians and to some extent under their influence, which may be seen in Mitannian names and in their acquaintance with certain Indo-Iranian gods. It is quite unnecessary to exaggerate this influence; in particular, the lexicological evidence does not support the view that Indo-Iranian influence extended to the sphere of law and other areas of Hurrian culture. Many of the supposed Aryan features in the terminology of handicraft, and even of horse-breeding, are also dubious. The author notes the important information on the history, chronology and culture of the Hittites, and especially of the Hurrians, which Kammenhuber extracts from their language and from other materials, and offers some further observations of his own

According to Kammenhuber, at the beginning of the second millennium B. C. the indo-Iranian tribes still formed one body, which was slowly moving in the direction of India. The Aryans with whom the Mitanni Hurrians came into contact belonged, in Kammenhuber's opinion, to a small tribal group that branched off from the same part of the general body of Indo-Iranian tribes from which the Indo-Aryans later emerged. The author of the present article thinks there is not enough evidence for so precise a determination of which part of the Indo-Iranian tribes this group belonged to. He also suggests that the contacts between the Hurrians and the Indo-Iranians may have taken place on the territory of modern Iranian Azerbaijan (a district where one Hurrian group — the Matieni or Matiani of the Graeco-Roman authors — lived; perhaps to be identified with *Mittanne*, *Maittanne*, which is probably a dynastic-tribal term, cf. *Hurri*, the term for the people, and *Hanigalbat*, the term for the northern Mesopotamian territory where the Mitannian dynasty ruled).

In this article, as in Kammenhuber's book, much space is given to discussing the methodological problems involved in identifying elements of vanished languages in toponymic and onomastic material. The author also touches on the problem of determining the routes by which the Indo-Iranian tribes moved into Iran and India.

К. и Д. при рождении + сестинком 5-го
 поколения и предке митрополита
 из и в оны. Верная архивная

pusillus *tiara* $\langle$ tri

4. Визначення